

Новая русская революция

Из книги "Новая русская революция. Опыты политического осмысления", готовящейся к печати в издательстве "Московская школа политических исследований"

Действующие лица

Интеллигенция и эволюция

*Пусть даже Бог опять спасет Россию,
Коль этот труд не надоел Ему...*
Наум Коржавин

В XX веке колесо русской истории совершило полный оборот. Это было не восхождение к высотам прогресса, не пресловутое "развитие по спирали". Наш путь в прошлом столетии вычертил совершенно круговую траекторию. Такой циклизм не мог представить себе никакой Шпенглер.

Среди российских историков, впрочем, распространено мнение, что вся наша эволюция после освобождения от ордынского ига сугубо циклична, а потому, собственно, и эволюцией называться не может. А.Л.Янов - основоположник и ярчайший представитель такого взгляда на историю России - вообще полагает, что последние пять с лишним сотен лет мы безысходно вертимся в порочном круге "реформа - контрреформа - стагнация". Но если сравнить экономическое, социальное и политическое состояние нашей страны при Иване III и при Николае II, то различия очевидны. Более того, очевиден прогресс во всем, включая не только технологию и экономику, но и культуру, и даже политику, с которой у России всегда были самые большие проблемы. А если сравнить состояние страны в начале прошлого века и на заре нынешнего?

Стартовая ситуация была такова. Экономически Россия развивалась по рыночному пути динамично, но неровно. По некоторым показателям она опережала признанных лидеров, а по другим отставала от очевидных аутсайдеров. Социальная ситуация была предельно запутанной: уже была проломлена жесткая иерархия традиционного общества, но еще не сложились структуры общества современного. Политически Россия оставалась самодержавной монархией, но больше формально - как бы несуществующие институты демократии и гражданского общества в действительности были и укреплялись, входя в плоть и кровь страны.

Эти противоречия в итоге привели Россию к революционному кризису 1905-го, а затем и 1917 года. Причудливое сочетание архаики и современности опрокинулось в анархию и хаос, из которых возник большевистский режим. Он постепенно наращивал силу, по ходу дела уничтожая остатки предшествующей системы. Результатом этого наращивания стал самый совершенный тоталитаризм в истории человечества, выдержавший все внутренние и внешние испытания и достигший пика своего могущества в 1945 году. Но советский тоталитаризм быстро (в масштабе мировой истории) устал сам от себя и после 1953-го стал медленно, но верно чахнуть и сохнуть. Пошел процесс, обратный 1920-1930-м годам, когда режим креп. В конце 80-х ослабление системы дошло до края, и страна вернулась к анархии и хаосу. Из них в 1990-х выросло новое государство, невероятно похожее на поздний царизм начала XIX века: динамичная, но неровная капиталистическая экономика; уже не традиционное и еще не современное общество; уже не автократическая, но еще не демократическая политика...

Логичен вопрос: не сорвется ли Россия опять в ту же пропасть, в какую угодила в 1917 году? Ответ на него зависит от умения осознать наш собственный путь - хотя бы за последние сто лет. И тут мы натываемся на вопрос об интеллектуальной элите. О той, что принято называть интеллигенцией. Насколько она способна осмыслить, куда мы попали?

По мнению Александра Солженицына, "всякий разговор об интеллигенции сегодняшней нельзя провести, не сравнивая нынешних суждений с суждениями "Вех". У Александра Исаевича явно были резоны для такого заключения, произнесенного 30 лет назад. Что ж, начнем с "Вех".

Интеллигенция и революция

Авторы "Вех" подчеркивали, что не ставят знак равенства между понятиями "интеллигенция" и "образованный класс". П.Б.Струве отмечал, что "интеллигенция, как политическая категория, объявилась в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ". Идентификатором интеллигенции Струве называл "безрелигиозное отщепенство от государства".

Гибельным парадоксом нашей истории, возникшим в позапрошлом веке, было то, что значительная - пожалуй, доминирующая - часть общественной элиты была нацелена на разрушение общества, которое возглавляла. Первым проявлением этого парадокса был декабризм ("В Европе сапожник, // Чтоб барином стать, // Бунтует, - понятное дело! // У нас революцию сделала знать: // В сапожники, что ль, захотела?"). Струве констатирует: "После пугачевщины и до этой революции (1905 года. - Ю.Г.) все русские политические движения были движениями образованной и привилегированной части России".

Причем нацелены почти все эти движения были на разрушение. Интеллигентский нигилизм усиливался косностью имперской бюрократии - и сам ее усиливал. Так, террористическая атака на государство, предпринятая (при полном сочувствии "общественности") народолюбцами в 1879-1881 годах, не только унесла жизнь самого современно мыслящего из российских самодержцев, но и привела к решительному отказу империи от политического реформизма, что во многом обусловило сползание России к революции.

При этом нельзя считать, что именно интеллигенция устроила революцию. "Раскачивание лодки", которому в упоении предавалась интеллигентская общественность все 60-90-е годы XIX века, ослабило иммунитет государственности, но взрыв 1905 года был, как точно указывает Струве, прежде всего стихийным. В первые месяцы революции интеллигенция практически не играла реальной политической роли: происходила борьба народной стихии и государственного порядка. К чести самодержавной власти надо сказать, что ею был найден достойный ответ - радикальное изменение политического строя, зафиксированное Манифестом 17 октября.

И тут-то интеллигенция вышла на сцену. "Быстрота, с которой разыгралось в особенности последнее действие преобразования, давшее под давлением стихийного порыва... акт 17 октября, подействовала опьяняюще на интеллигенцию. Она вообразила себя хозяйном исторической сцены", - писал Струве. Обратим внимание на этот факт: пока государство было по-настоящему деспотическим, интеллигенция, при всем своем резко критическом отношении к самодержавию, в массе своей сидела тихо. Как только пахнуло свободой, у нее прорезался голос, и это был призыв к борьбе с государством.

"В момент государственного преобразования 1905 года отщепенские идеи и отщепенское настроение всецело овладели широкими кругами русских образованных людей, - свидетельствует Струве. - Никогда никто еще с таким бездонным легкомыслием не призывал к величайшим политическим и социальным переменам, как наши революционные партии и их организации в дни свободы". Легкомыслие образованной элиты дорого обошлось России уже в 1907 году - царское правительство отреагировало на растущую анархию третьеиюньским переворотом, в значительной степени ревизовавшим конституционные преобразования 1905-1906 годов. Но и этот урок ничему не научил интеллигенцию, впадшую в революционное исступление. Она и после 1907-го сохранила черты, которые называл Струве: "Легковерие без веры, борьба без творчества, фанатизм без энтузиазма, нетерпимость без благоговения... вся форма религиозности без ее содержания".

После поражения революции "прогрессивная общественность" немного умерила пыл, но сохранила дух. Что касается масс, они к революции охладели. Возможно, нового приступа "пугачевщины" и удалось бы избежать, если бы не интеллигенция. Анализируя итоги революции 1905 года, Струве обращал внимание на основополагающую ошибку интеллигентского подхода к народу: "Интеллигентская доктрина служения народу не предполагала никаких обязанностей у народа и не ставила ему никаких воспитательных задач. А... вне идеи воспитания в политике есть только две возможности: деспотизм и охлократия".

Хотя в период "третьеиюньской реакции" у страны вообще и у интеллигенции в частности еще был шанс. Все же революционная буря не опрокинула государство; "третьеиюньская реакция" не уничтожила основные политические новшества 1905-1907 годов; новый премьер П.А.Столыпин, решительно подавивший революционно-террористическое движение, начал многообещающие социально-экономические реформы. Чтобы не допустить нового срыва в развитии страны, требовалась консолидация элиты. "Интеллигенции необходимо пересмотреть все свое мирозерцание и в том числе подвергнуть коренному пересмотру его главный устой - социалистическое отрицание личной ответственности", - так писал Струве, тут же выражая сомнение в реальности такого поворота: - "Русская интеллигенция, отрешившись от безрелигиозного

государственного отщепенства, перестанет существовать как некая особая культурная категория. Сможет ли она совершить огромный подвиг такого преодоления своей нездоровой сущности?".

Ответом на вопрос Струве стала уже интеллигентская реакция на "Вехи". С.Л.Франк позднее писал: "Вехи" имели шумный, сенсационный успех - они были главной литературно-общественной сенсацией 1909 года". Но услышать смысл общественность не захотела. Из признанных вождей интеллигенции никто не признал справедливость веховской критики. Лидер кадетов П.Н.Милюков в противовес "Вехам" организовал апологетический сборник "Интеллигенция в России", провозгласивший интеллигенцию солью земли, двигателем прогресса, высшей ценностью российской истории, и лично отправился в большое лекционное турне по России, чтобы громить "Вехи". Другие критики сборника вообще не утруждали себя разговором по существу, изощряясь в памфлетности. Например, Д.С.Мережковский назвал авторов "Вех" "семь смиренных", сравнив их с семерыми иерархами Святейшего синода, отлучившими от церкви Л.Н.Толстого. Короче говоря, идеи "Вех", как выразился Франк, "потонули во вновь нараставшей волне политического радикализма".

По сути, революция 1905-1907 годов привела к поглощению образованного класса интеллигенцией - и к радикализации политического спектра. Политический радикализм выражался в разнообразных формах - от бессмысленной оппозиции либералов Столыпину, подрывавшей столыпинскую реформу, до чеканной формулировки Милюкова "врагов слева у нас нет". Умеренных сил в тогдашней российской политике практически не осталось.

Начало войны, вызвавшее подъем патриотических настроений даже в интеллигентской среде, не изменило тенденцию. Как только начались военные тяготы, либеральный патриотизм принял привычное антигосударственное направление. В 1915-1916 годах думские и земские либералы прилагали все силы, чтобы опрокинуть царизм во имя "ответственного правительства". Эта деятельность мотивировалась патриотическими соображениями (сбросить власть, неспособную победить в войне), но когда, где и кому внутренняя дестабилизация помогала воевать? Вряд ли можно сомневаться, что либералы для развала империи сделали больше, чем большевики и прочие социалисты. Пока социалистические лидеры сидели в эмиграции и ссылке, Милюков и прочие "прогрессивные деятели" день за днем подрывали престиж и эффективность власти.

Разумеется, сама власть виновна не меньше, но речь не о ней. В конце концов российскую бюрократию никто и никогда не называл "солью земли" и двигателем прогресса. А вот интеллигенция себя так называла - и всем навязывала такой взгляд на себя. И в феврале 1917 года империя капитулировала не перед народом, а именно перед интеллигенцией. Тут и выяснилось, что строить интеллигенция не умеет вовсе. Скорость, с которой Временное правительство привело Россию к анархии, потрясает воображение. Государственная система Российской империи была косной, неэффективной, неспособной к изменениям, но она была. Государственное творчество интеллигентской власти свелось к сверхскоростному разрушению всех государственных институтов, начиная с армии. При этом новые правители страны, выпустив революционного джинна из бутылки, не сумели удержать его под контролем - и открыли дорогу большевикам.

Революция и интеллигенция

Верующие сражаются против свободы, а друзья свободы нападают на религию; благородные, великодушные люди превозносят рабство, а души низменные и угодливые ратуют за независимость; честные и просвещенные граждане становятся врагами всякого прогресса, в то время как люди, лишенные нравственности и чувства патриотизма, объявляют себя апостолами цивилизации и просвещения!

Алексис де Токвиль

"Революция пожирает своих детей", - это открытие, сделанное Дантоном у подножия гильотины, нуждается в уточнении. Первым делом революция пожирает своих родителей. После 1917 года русская интеллигенция могла сполна убедиться, что это действительно так.

Большевизм тоже был порождением интеллигенции, но к 1917 году уже разошелся со своей родительницей. Он сохранил все ее родовые черты - доктринерство, фанатизм, нигилизм и т.д. - и усугубил их, избавившись от наивно-идеалистической мотивации, облагораживавшей прежнюю интеллигенцию. Потому большевики, не располагавшие в начале 1917-го почти ничем, кроме германских денег, к концу года оказались властью. И это означало беспрецедентное для мировой истории изменение характера революции: до тех пор все революционные кризисы, какими бы безобразиями они ни сопровождались, подталкивали развитие общества вперед. Большевики же впервые осуществили революцию, развернувшую общественную эволюцию вспять.

Базовое мировоззренческое расхождение большевиков с интеллигенцией заключалось в отношении к народу. Для интеллигентов всех партий народолюбие было основополагающим принципом, определявшим их идейные и политические позиции. Большевики народ воспринимали утилитарно - как инструмент совершения мировой социалистической революции.

А народолюбивая интеллигенция, стараниями которой была разбужена стихия бунта, достигнув результата, впала в ступор. Она не могла ни примкнуть к впаавшему в разрушительное исступление объекту своей любви, ни подавить его (в мемуарах уцелевших деятелей Временного правительства рефреном повторяется "я не мог приказать стрелять в народ"). Большевики же смогли и то и другое. Они примкнули к стихии, оседлали ее и направили против своих врагов - бюрократов и аристократов, буржуазии и офицерства, либералов и социалистов, расчищая дорогу для своей власти. Когда же эта стихия поворачивалась против них самих, большевики ее без колебаний давили - первые рабочие антибольшевистские демонстрации "власть рабочих и крестьян" разгоняла уже в начале 1918 года. А впереди еще были Кронштадт, Тамбов, "великий перелом"...

Интеллигенция после октябрьского переворота зависла между революцией и контрреволюцией. Причем вчерашние "властители дум" были чужими для всех лагерей: для белых - "сволочь левее кадетов" (В.В.Шульгин), для красных - "говно, а не интеллигенция" (В.И.Ульянов-Ленин). Интеллигентская верхушка поначалу пыталась удержаться на гребне процесса, присоединившись к одной из сторон. Выбор определялся тем, кого считать более опасным врагом революции.

Одни сочли, что революции изменили большевики, и взялись организовывать антибольшевистское движение - от "Викжеля" до Комуча. Они провалились повсеместно: подводила все та же интеллигентская нерешительность, а более всего - недоверие настоящих контрреволюционеров, не без оснований считавших всех этих социалистов и либералов соавторами революционной катастрофы. Дальше всех в стремлении объединить все антибольшевистские силы зашел бывший террорист Б.В.Савинков. В его "Союз защиты Родины и Свободы" пошли в основном не эсеры, а офицеры, но даже Савинков оказался для белых чужим и был выслан адмиралом А.В.Колчаком за границу. Социал-либеральная контрреволюция исчерпалась к началу 1919 года, но по сути ее борьба была проиграна гораздо раньше, когда интеллигентские вожди без боя сдали большевикам Учредительное собрание. На доверие, оказанное народом, интеллигенция ответила капитуляцией.

Некоторые интеллигентские фракции не отказали большевикам в праве на революционность и пошли вместе с ними. Меньшевики-интернационалисты, левые эсеры, анархисты-коммунисты - все они "во имя революции" помогли большевикам удержать и укрепить власть. Большевики без колебаний использовали "попутчиков", беспощадно пресекая всякую попытку идти "не в ногу" (исключение умеренных социалистов из Советов весной 1918-го, подавление левозэсеровского мятежа летом того же года). А как только надобность отпала, тех, кто еще не успел полностью перекраситься в коммунисты, перебили (тех же, кто успел, перебили позже).

Ну а большинство "рядовых" интеллигентов в Гражданской войне оказалось в роли жертв. Они гибли от разрухи, от рук красных, белых, "зеленых"... Невольное мученичество интеллигенции в годы смуты как будто очистило ее от вины за катастрофу и во многом сделало возможным воспроизведение мифа об интеллигенции через много лет. Но это потом, а к 1921 году революция и Гражданская война практически уничтожили интеллигенцию как социально-политическую силу.

Интеллигенция и советская власть

Много лет просидела интеллигенция на народе, как курица на утиных яйцах... Высиживала она их, высиживала... Утята вылупились, схватили курицу и потащили к реке. "Что вы делаете, - кричит интеллигенция, - я ваша мама, я вас высиживала!" - "Плыви!" - взревели утки. "Но я не умею!" - "Ну тогда сиди". - И посадили...Николай Эрдман

Большевизм, как уже говорилось, родился как интеллигентское течение и "пролетарской" партией был еще менее, чем эсеры - крестьянской. Среди большевиков первых лет советской власти интеллигенты господствовали безраздельно, и совсем не напрасно первый Совнарком называли "самым интеллигентным правительством России". Но в годы Гражданской войны родилась новая социальная сила - номенклатура. Партийные функционеры пришли на смену литераторам.

У номенклатуры и партинтеллигенции не было расхождений ни в стратегической цели (мировая революция), ни в методах - Троцкий и Зиновьев были ничуть не гуманнее Сталина. Разошлись они в технологии. Номенклатура уже к началу 20-х годов нацелилась на строительство регулярного государства, а интеллигенция желала продолжать революцию.

В 20-е годы между ними разгорелась нешуточная борьба, в которой номенклатура, обретая своего вожда в лице Сталина, обыграла интеллигенцию на ее же поле - в идеологической борьбе. Сталин и аппарат блестяще использовали внутриинтеллигентские раздоры: Зиновьева против Троцкого, Бухарина против Зиновьева. Последние ошметки большевистской интеллигенции были политически изничтожены в начале 30-х (группа Рютина, "право-левацкий блок" Сырцова-Ломинадзе). А в 1934 году на XVII съезде партии состоялась полная капитуляция партийной интеллигенции, после чего в 1935-1938 годах ее без всякого сопротивления удушили физически.

В 20-е годы в стране оставалась еще и непартийная интеллигенция, которой разрешалось присутствие если не в политике, то в интеллектуальной жизни. Их называли "попутчиками" - теми, кто признал советскую власть, но оставался как бы в оппозиции (открытая политическая оппозиция стала невозможной после эсеровского процесса в 1922 году, но быть слегка критичными еще разрешалось). В их пестрой компании выделяются два основных отряда - "революционеры" и "государственники".

Первые (футуристы и социалисты) признали в большевиках революционеров, а потому пошли к ним на службу. В сущности, эта фракция отличалась от интеллигентов-партийцев только отсутствием партбилетов, за что была бита номенклатурой уже в конце 20-х - после политического разгрома оппозиции, но до ее физического уничтожения ("Крестьянская партия" А.В.Чаянова и Н.Д.Кондратьева, "Союзный центр РСДРП" Н.Н.Суханова и Д.Б.Рязанова). Окончательно их подчистили в 1937-1938 годах, когда номенклатура утверждала свое безраздельное господство.

Второе течение началось в эмиграции среди интеллигентов, разочаровавшихся в самой идее революционности. Их манифестом стал сборник "Смена вех". А.И.Солженицын не без оснований писал, что название сборника кощунственно: ведь "меняли вехи" совсем не те, кто их ставил, а пафос сборника не имел ничего общего со смыслом "Вех". "Сменовеховцы", отказавшись от революции, признали в большевиках... восстановителей государственности! Такой вот неопитский эффект. Большевики охотно их использовали - в том числе как агентуру спецслужб (пример С.Я.Эфрона), но в 30-х годах тоже на всякий случай почистили.

Революция, доросшая до тоталитаризма, по достоинству наградила своих прародителей и родителей: все интеллигентские течения, претендовавшие на мало-мальскую самостоятельность, были растоптаны. Те, кто не успел бежать за рубеж, имели простой выбор - уничтожение или капитуляция. Впрочем, второе отнюдь не спасало от первого.

Советская власть и интеллигенция

*Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу
Вы превращаете в вертеп?*
Анна Ахматова

Тоталитаризм нуждается в образованных людях не меньше (если не больше), чем любой другой общественно-политический строй. Ему позарез нужно идеологическое и технологическое обеспечение, чтобы удерживать в повиновении подданных и расширять их число. Для этого годятся далеко не всякие образованные. Интеллектуальная элита тоталитарного государства должна быть не просто лояльной, но бесконечно преданной системе. Она должна одновременно быть и мыслящей, и служилой - что само по себе противоречиво.

Понятно, что советская власть не могла пустить процесс формирования нового образованного сословия на самотек. Поэтому, уничтожая интеллигенцию, номенклатура параллельно занималась селекцией и дрессировкой новой интеллектуальной элиты - чисто советской. Когда же задача ликвидации досоветской интеллигенции в качестве самостоятельной силы была решена, дело было поставлено на индустриальную основу. Методы применялись простые, но крайне эффективные: "кнут", "пряник" и "промывка мозгов".

Что касается "кнутов", об этом написано и сказано очень много. Большой террор 1937-1938 годов был направлен на "очищение" советской элиты, в том числе интеллектуальной. Ну а послевоенные чистки били по интеллектуалам в первую очередь. Стоит, пожалуй, отметить лишь одну важную черту: метод устрашения применялся максимально непредсказуемо. Никто не мог считать, что его прошлый опыт и заслуги (или вины) перед советской властью что-то гарантируют. Кара могла постигнуть и бывшего белогвардейца, и ортодоксального марксиста, но могла и обойти и того и другого. Каждый должен был и бояться, и надеяться.

А надеяться было на что: кроме кнута, у власти были и пряники. В 1934-1935 годах, когда поднималась волна Большого террора, власть делала и нечто прямо противоположное устрашению. В это время, в частности, создается Союз советских писателей. Устанавливается система ученых степеней и званий. Принимаются постановления ЦК ВКП(б), осуждающие "педологию", "вульгарный социологизм", "пролеткультизм" и т.п. Короче говоря, для образованной элиты создается система льгот и привилегий, им дают возможность - в определенных рамках - заниматься своим делом.

Интеллектуальную элиту одновременно запугивают и подкупают. У нее вырабатывается условный рефлекс: надо служить верно, тогда власть тебя не обидит. Причем верным надо быть каждую минуту, потому что старые заслуги не в счет. Чтобы этот рефлекс стал устойчивым, его надо было закрепить, чему и служило постоянное пропагандистское "промывание мозгов". Задача облегчалась тем, что практически отсутствовало "сопротивление материала". Сущностные черты русской интеллигенции - беспочвенность, безрелигиозность, догматизм, этический нигилизм и проч. - как нельзя лучше подходили для целей советской власти.

Единственным препятствием могло оказаться "отщепенство от государства", на котором зиждилось интеллигентское мировоззрение. Но тут интеллигенция и номенклатура совместными усилиями быстро нашли выход. Советское государство было провозглашено как бы и не государством вовсе, но продолжателем революции, отрицающим "классовую" государственность. Таким образом, верное служение советской власти интеллигент мог рассматривать как продолжение своей вековой борьбы против государства.

Джордж Оруэлл писал, что интеллектуалы вообще тяготеют к тирании.

Наши интеллектуалы оказались в этом самыми "продвинутыми", успешно трансформировав свое бунтарство в обслуживание интересов тоталитарной системы. Справедливости ради отметим, что автократия в 20-30-х годах XX века была в чести у интеллектуалов всей Европы и Америки, но наши, несомненно, вышли в первые ученики.

При этом власть не спешила отвечать новой интеллигенции взаимностью. Когда после Большого террора и Отечественной войны интеллигенты ощутили себя полноправной и значимой частью советской системы, им быстро указали на место. Политика русификации, которую проводил Сталин в последние восемь лет своего правления, была в значительной мере антиинтеллигентской. Провал программы мировой революции заставил генералиссимуса повернуть руль в сторону строительства национального государства, а интеллигенция была заведомо антинациональной силой.

Впрочем ничего из этой затеи не вышло и политика русификации оказалась лишь скверным анекдотом. Ее последовательное проведение угрожало бы устойчивости империи, а потому уже при Сталине она свелась к кампанейщине - иногда мрачной (истребление "космополитов", "вейсманистов-морганистов" и т.д.), иногда смешной (переименования всего и вся на русский манер). После смерти Сталина все эти кампании свернули, и от "русопятства" образца 1950 года остался лишь неискоренимый антисемитский дух советской номенклатуры (что, кстати, вполне соответствовало имперской бюрократической традиции).

В то же время политика русификации внесла свою лепту в формирование советской интеллигенции. В поисках "русских корней" был выработан канон "правильной" отечественной общественной мысли, включавшей почти всех кумиров интеллигенции начала XX века: Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова, народников и марксистов. Кое-кого, конечно, убрали, например эсеров, а также добавили большевиков, но в целом традицию возобновили и освятили.

Немаловажным была для формирования советской интеллигенции и возросшая заинтересованность власти в научно-техническом прогрессе. Конкуренция "социалистического лагеря" с "мировым империализмом" становилась все более технологической. Это ставило в особое положение тех, кто создавал военные технологии. Кроме того, возрастало значение образования вообще.

Неудивительно, что во времена Хрущева интеллигенция получила и официальное признание. Ее признали, наряду с рабочим классом и крестьянством, законным составным элементом советского общества. Правда с сомнительным статусом "прослойки", но признали. Это само по себе давало советской интеллигенции некоторое право на автономию - разумеется, при условии полной идеологической лояльности.

Впрочем и в идеологии Хрущев дал интеллигенции некоторое пространство для идеологического вольномыслия. Чтобы легитимизировать свой вариант советского режима, он должен был ниспровергнуть Сталина, а для этого ему понадобилась поддержка элиты. И он получил такую поддержку как в номенклатуре, так и в интеллигенции, уставших от непрерывных чисток и желавших только пряников без кнута.

Таким образом, к началу 1960-х существование интеллигенции стало фактом общественной жизни. Она оставалась под крылом государства-партии, но пресс - как полицейский, так и политический - стал не столь тяжелым. Появилась возможность переосмысления себя и своей роли в жизни страны. Дело было за желанием...

Советская интеллигенция

Цепная реакция рабства. Безнадёжно запутываешься, ухватившись за любое звено.
Мераб Мамардашвили

В интеллигентской мифологии Шестидесятые занимают особое место - и по праву. Именно тогда свершилось возрождение интеллигенции как реальной социальной силы. И роль ее оказалась много больше официально отведенного ей места "прослойки" между как бы господствующими (а на деле несуществующими) классами - рабочими и крестьянами.

Справедливости ради надо отметить, что после Сталина, когда режим смягчился, жизнь страны вообще изменилась к лучшему. Появились - пусть слабые - признаки гражданской жизни: самостоятельные объединения, занятые не предписанной государством деятельностью. Живые веяния проявились в культуре. В это время в культурную действительность возвращаются А.А.Ахматова и Б.Л.Пастернак, дебютируют А.И.Солженицын и И.А.Бродский, по-новому начинают писать А.А.Галич и В.П.Аксенов - и это только в литературе! Жизнь возобновляется в изобразительном искусстве, кино, театре, даже сугубо "поднадзорной" гуманитарной мысли. Но прежде всего поднимается интеллигенция.

Интеллигентский "символ веры" в 60-е годы основывается на двух лозунгах: против Сталина и за революцию. Против коварного извратителя дела Ленина и за возрождение духа революции 1917 года. Таким образом, удалось совместить "в одном флаконе" бунтарство и конформизм. Бунтовать против того, что уже прошло, и прославлять то, ради чего существует режим. Такой подход оказался чрезвычайно популярным. Его апологеты собирали стадионы слушателей, публиковались огромными тиражами и становились настоящими властителями дум.

Кондовая номенклатура нервничала и временами давала разгулявшимся "трибунам" пинки и зуботычины. Но далеко идущих последствий не было, а потому изредка ругаемые "шестидесятники" становились еще популярнее и влиятельнее. "Как бы преследования" лишь создавали им ореол "как бы оппозиционеров", не лишая чинов и привилегий. И это позволило сформировать, точнее, воссоздать, миф об интеллигенции как "совести народной".

Слово "интеллигентность" стало синонимом понятий "культура", "совестливость", "мораль". Притом интеллигенты XX века, как и их предшественники столетней давности, оставались идейными догматиками, этическими нигилистами, безнациональными и безрелигиозными отщепенцами. Они спокойно и уверенно ставили знак равенства между собой и отечественной культурой в целом, никоим образом не отягощая себя переосмыслением собственной роли в истории России. Можно сказать, что сформировался настоящий культ интеллигенции - точно такой же, как и сто лет ранее.

Интеллигентская самовлюбленность подверглась строгому испытанию на рубеже 60-х и 70-х годов. Уже при Хрущеве ее несколько раз недвусмысленно предупреждали, что "ходить бывает склизко по камушкам иным", но оргвыводов почти не следовало. После октября 1964-го власть повела себя в отношении вольничавших умников помягче. Верхушке был подан ясный сигнал в виде дела Синявского-Даниэля, но вняли немногие - хорошим тоном в столичных интеллигентских кругах стало "подписанство" писем в защиту преследуемых.

Но это были цветочки - ягодки взошли в 1968 году. После Пражской весны и ввода войск в Чехословакию стало ясно, что перед советской интеллигенцией стоит выбор: остаться советской или... Внутренне интеллигенция ответила быстро и четко - "или". Но отказ от "советчины", фактически свершившийся в интеллигентском сознании на рубеже 60-70-х годов, далеко не всегда сопровождался действием. Да и был ли это в самом деле отказ?

Антисоветская интеллигенция

*Ты поймешь, что нет над тобой суда,
Нет проклятия прошлых лет,
Когда вместе со всеми ты скажешь "да"
И вместе со всеми "нет".*
Александр Галич

Советский Союз был уникальным государством прежде всего потому, что в нем три десятилетия отсутствовала даже тень политической оппозиции. В этом была и сила, и слабость режима: как выяснилось в 60-е годы, даже минимальное фрондерство представляло для него смертельную опасность. Тоталитаризм не мог допустить малейшей трещины в монолитном единстве общества. "Оттепель" привела к тому, что трещины возникли, и на рубеже 60-70-х годов, пока корабль Утопии не начал тонуть, номенклатура занялась их латанием.

У нее уже не было сил развернуть массовые репрессии ленинско-сталинского типа, но мощь советского карательного механизма еще была немалой. За тех немногих, кто уже решился бросить вызов системе (в основном - интеллигентных столичных маргиналов), взялись вполне всерьез. Поворот от снисходительности к гонениям оказался для интеллигенции серьезным вызовом, ответить на который ей было не по силам.

Мизерное меньшинство интеллигентов - в основном аутсайдеров "шестидесятничества" - решилось сделать следующий шаг и пойти на открытое противостояние с властью ("Нашлась лишь эта горсточка // Больных интеллигентов, // Чтоб высказать, что думает // Здоровый миллион", - Юлий Ким хорошо знал, о чем пишет). Критически анализировать диссидентство можно лишь или с откровенно враждебных (т.е. советских) позиций, или изнутри. Не могу и не хочу говорить о слабостях и ошибках людей, осмелившихся пойти против тоталитарного государства, не питая ни малейшей надежды на успех. Отмечу лишь, что диссидентское движение выражало моральный протест, постоянно подчеркивая свой неполитический характер. За редким исключением в диссиденты шли идеалисты, руководствовавшиеся принципом "потому что не могу иначе".

Люди рациональные предпочли иные пути. Некоторые из них решили заняться реформированием системы изнутри, как бы служа ей, а на деле готовя радикальное изменение (А.А.Амальрик называл таких "субкультурой референтов"). Чаще всего такая позиция была чистой воды самообманом, оправдывающим в собственных глазах компромисс с системой, но не всегда. Многие люди, работавшие в партийных органах, издательствах, средствах массовой информации, действительно сумели подточить советский монолит.

Однако "референтов" было не больше, чем диссидентов. Да они, собственно, уже и не были интеллигентами, поскольку поставили во главу угла принцип ответственности. Вряд ли можно считать интеллигентами и диссидентов, руководствовавшихся моральными императивами. Любая осмысленная общественная деятельность требовала выхода за рамки интеллигентского "этоса", и решиться на это могли немногие.

Некоторые из интеллигентов пошли на полный отказ от квазиобщественной деятельности советского образца. Они сосредоточились на своей профессиональной работе - творческой, исследовательской, просветительской, живя по принципу А.П.Платонова: "на собрания не хожу и ничего не член". И эта позиция - созидания вместо нигилизма - также не была интеллигентской.

Основная интеллигентская масса составила "кухонную" субкультуру. "Здоровый миллион" верно служил ненавистной власти на рабочих местах - и гневно осуждал ее по вечерам на кухнях. Эффект двоемыслия усилился многократно. Выработалась особая этика, одновременно конформистская и непримиримая. Чем тише вели себя интеллигенты публично, тем яростнее становился их антикоммунизм на кухнях.

Номенклатуру такое положение вещей устраивало. Она знала, что образованное сословие не устроит в СССР Пражскую весну и не создаст идеологию для рабочей "Солидарности", как в Польше. Что же касается "кукишей в карманах", то они не вредили власти. Более того, каждый кухонный бунтарь знал о своей уязвимости (стукачей в интеллигентской среде было предостаточно) и тем более рьяно служил власти. Разумеется, из этого правила были исключения, но они не делали погоды.

Таким образом, советская интеллигенция фактически стала антисоветской, но режиму это не повредило. Шанс преодолеть "родовые травмы", о которых когда-то писал П.Б.Струве, искупить грехи революции, перестать быть интеллигенцией в веховском смысле вновь был упущен. Вместо переосмысления собственной роли в обществе и обретения гражданственности интеллигенция пошла по легкому пути: она затаилась, культивируя в себе (а значит и в обществе) конформизм и безответственность.

Новая русская революция

*Когда темницы рухнули, свобода
С ухмылкой поджидала нас у входа.*

Как и в начале XX века, в конце столетия революция началась стихийно. Ее невольно спровоцировало новое поколение номенклатуры, лидером которого был М.С.Горбачев. Его собственные цели были довольно

скромными - отодвинуть от "руля" партийных геронтократов и придать динамизм системе. То, что Горбачев выбрал в качестве инструмента демократизацию и гласность, произошло во многом случайно: сыграли роль и усилия "референтов" вроде А.Н.Яковлева, и личные качества самого Горбачева (умеренность, гибкость, осторожность), и сталинистская закваска его оппонентов. Однако результаты оказались совсем иными, чем надеялись перестройщики: система к концу 1980-х совсем износилась и попытка ее модернизировать обернулась крушением.

События 1986-1999 годов в СССР и России несомненно были революцией. Впрочем мой друг и единомышленник А.А.Шмелев считает, что точнее говорить о "контрреволюции", поскольку преобразования того времени были обратны тем, которые осуществляли большевики, и в этом он прав. Большевики, строя свою Утопию, фактически архаизировали страну, отбросив ее к рабовладельческому строю. Новая русская революция, уничтожая обветшавшую Утопию, вернула страну в Историю.

На сегодня новую русскую революцию можно считать свершившейся и завершившейся. Итоги революции, как это всегда бывает, не радуют. Главный ее положительный итог - тоталитарная система ликвидирована и воссоздать ее вряд ли кому удастся. Главный отрицательный - колоссальное разочарование общества. "Царство свободы" не наступило; советское "неравенство в нищете" сменилось огромным разрывом между богатыми и бедными. Нет порядка, нет безопасности, нет стабильности...

Собственно говоря, ситуация вполне обычная для страны, пережившей революцию. Но людям от этого не легче! Кризис общественного сознания - главный вызов для сегодняшней России. Не преодолев его, нельзя по-настоящему решить ни экономические, ни политические проблемы. И здесь главную роль должна сыграть образованная элита общества. То есть в нашем случае интеллигенция. А что интеллигенция?

Новая русская интеллигенция

Допущение, что прогрессивная общественность хоть в какой-то степени соотнобразуется с отечественной историей и формальной логикой, представляется чрезмерно сильным.
Максим Соколов

Так же как в 1905 и в 1917 году, интеллигенция не начинала революцию, но быстро ее возглавила. При этом ее готовность к роли лидера оказалась еще меньше, чем у либералов и социалистов начала XX века. В 1988-1991 годах интеллигентские вожди, внезапно обретшие голос и темперамент народных трибунов, со всей страстью ринулись рушить советский строй. Споры нет, советская система заслуживала гибели. Но вот что важно: у наших саванарол не было ни малейшего представления о том, что делать, когда система падет! Они имели о государственном строительстве еще меньшее представление, чем апологеты "ответственного правительства" в 1917-м (у тех был хотя бы десятилетний опыт парламентской работы).

К счастью для страны, интеллигенция не была монополистом общественной жизни. Пока интеллигенты, шалея от собственной значимости, рушили государственное здание, в недрах "субкультуры референтов" пытались разрабатывать планы переустройства. Поэтому в момент крушения СССР у руководства новой России были осмысленные предложения хотя бы по экономической политике и были люди, готовые применять свои рекомендации на практике. У них не было опыта, они мыслили схемами, их действия часто были ошибочными - но они действовали, и это спасло страну от казавшейся неминуемой экономической катастрофы. Более того, действия экономических реформаторов придали некую осмысленность и структурированность даже политике, где безраздельно господствовала интеллигенция, умевшая порождать только хаос.

Политическое доминирование интеллигенции неминуемо вело ее во власть. Приобщение интеллигентских вождей к власти началось еще в 1989-1990 годах. Поначалу они ограничивались постами депутатов и советников; если же вдруг становились реальными руководителями (вице-премьерами, министрами, мэрами и проч.), то быстро и громко уходили в отставку. Но после августовского путча начался массовый призыв вчерашних бунтарей на высокие государственные должности, и они стали осваиваться. Оказалось, что сладкий вкус власти вовсе не обязательно уравнивать тяжелым грузом ответственности. Что служение можно просто имитировать, получая при этом весомые выгоды в виде роскошных особняков, "откатов", казенной obsługi и т.п. Верхушка интеллигенции, развращенная десятилетиями "совка", оказалась на удивление легко коррумпированной...

Так возникло явление, немыслимое в начале века, - демократура. Интеллигентские вожди приобщились к власти, но остались отщепенцами. Занимая высокие посты и принимая непосредственное (зачастую - определяющее) участие в принятии государственных решений, они никоим образом не отождествляют себя с государством (точнее - отождествляют государство с собой, пока занимают должности и пользуются их

преимуществами). Демократура соединила в себе интеллигентскую безответственность и нигилизм с бюрократической рутинной и косностью, отбросив как идеализм первой, так и государственничество второй.

Но демократурой стала только верхушка (в основном столичная) интеллигенции. Большая же часть "работников умственного труда" не вписалась в поворот к рынку. Учителя, врачи, инженеры и научные работники были яркими сторонниками демократических перемен - и стали первыми их жертвами. А то, как повела себя интеллигентская масса после 1991 года, должно войти в анналы социальной антропологии.

Не умея войти в рынок, интеллигенты продолжали его приветствовать (раз про рынок написано в умных книгах). Они практически не пытались ни адаптироваться индивидуально, ни заставить государство и общество принимать в расчет свои интересы. Их недовольство положением дел стало выражаться (и выражается по сей день) либо в бездумном следовании указаниям демократуры, либо в полном уходе из общественной жизни. Второе не надо путать с этосом профессионалов позднесоветских времен - там был осмысленный отказ от участия в бессмысленных ритуалах, здесь - бессмысленный отказ от осмысленного участия в политическом процессе.

Трудно сказать, чье поведение в большей степени лишено смысла - ведущего меньшинства (демократуры) или ведомого большинства (основная масса интеллигенции). Первые готовы жертвовать всем ради своих сиюминутных интересов, не умея выглянуть за границы собственного загородного имения. Вторые готовы идти за первыми, не желая увидеть разделяющей их пропасти. Понятно одно: те и другие вместе не хотят признавать реальности. Они по-прежнему мнят себя социальными инженерами, удивляясь: почему прочие сограждане не спешат отдаться их экспериментаторству?

Новые русские перепутя

*Боюсь людей передовых,
Страшуся милых нигилистов;
Их суд правдив, их на тиск лих,
Их гнев губительно неистов.*
А.К.Толстой

Непредвзятый историк подтвердит, что самое сложное для нации - не революция, а постреволюционная стабилизация. Когда революция начинается, вступают в действие стихийные силы, которым трудно противостоять. Их можно на время притормозить (как в России 1907-1917 гг.), но нельзя "выключить". Когда все стадии революции пройдены, "свобода воли опять берет нас за горло". История вновь становится вариантной, и путь дальнейшего развития в гораздо большей степени зависит от разумного выбора людей. Прежде всего, от выбора тех, кого А.Дж.Тойнби называл "творческим меньшинством".

Россия прошла через последнюю революцию на удивление благополучно (если сравнить с опытом других великих революций XVII-XX веков). Но это само по себе не значит, что так же успешно она преодолет и постреволюционный период. На силу стихии тут уже не положишься, политический процесс должен быть осмысленным. И здесь возникает ряд трудноразрешимых проблем.

Во-первых, главным политическим конфликтом в настоящее время является противостояние номенклатуры и демократуры. Первая по определению не может быть прогрессивной силой. Хотя А.С.Пушкин и писал, что "правительство у нас - единственный европеец", но бюрократический европеизм бывает хуже любой азиатчины. Номенклатурное естество требует от общества куда большей регулярности и упорядоченности, чем то бывает в органическом состоянии. Вторая же, хоть и прониклась номенклатурным сибаритством, осталась по-интеллигентски безответственной, нигилистической и аморальной. И потому занозу в собственном пальце склонна считать большей трагедией, чем крушение порядка в масштабах всей страны.

Во-вторых, во время революции оказались разведены по противоположным полюсам изначально родственные ценности Родины и Свободы. Родиной клянутся великодержавники, на деле стремящиеся к восстановлению венациональной империи (не буду тратить времени на объяснение очевидного факта противоположности имперской и национальной идей). Свободу поднимают на щит люди, напрочь игнорирующие национальные интересы.

Понятно, что первым свобода не нужна (как на самом деле им не нужна и родина - они просто монополизировали "бесхозное" понятие в своих корыстных интересах). А вторые слишком интеллигентны - в том смысле, что не приемлют ничего, в чем присутствует государственность, традиция, религия (хотя любят об этом поговорить). По сути, никто из активных политических субъектов не хочет признавать очевидного: ни

один народ не может достичь процветания без демократии; ни одна демократия не может утвердиться вне нации (nation-state, говоря по-английски).

В-третьих, в политической верхушке практически не осталось носителей идеи развития. Ясно, что всевозможные левые толкают страну к архаике, к автократии и этатизму. Но и те, кто называет себя правыми, на деле не являются модернистами. Вся их деятельность посвящена сохранению "временных сооружений" 90-х. Числя себя реформаторами, они даже не пытаются задуматься над сегодняшней повесткой дня.

И это естественно. Люди, которых мы привыкли считать передовыми, не хотят и не умеют работать. Их жизнь есть борьба, она принесла им статус и комфорт, ничего другого они знать не хотят. Признать, что революция окончена и надо делать что-то иное, для них труднее, чем для советских ветеранов признать развал СССР.

"Вам нужен процесс демократических реформ, - написал один из участников интернет-форума Московской школы политических исследований, обращаясь к российским либеральным лидерам, - а нам нужна великая и свободная Россия". А кому это - нам?

Новые надежды

Отечество, правосудие, государство - основа основ нации.
Морис Дрюон

На выборах в декабре 2003 и марте 2004 года "либеральной общественности" - то бишь новой русской интеллигенции - избиратели указали на дверь. Значит ли это, что интеллигентский морок, довлевший России последние полторы сотни лет, развеялся? Не совсем.

Во-первых, интеллигентские "бесы" по-прежнему располагают мощными ресурсами. Они если и не в состоянии вести за собой, то вполне способны порождать мифы и стереотипы, мешающие окончательно выбросить "русскую интеллигенцию" на свалку истории.

Во-вторых, у интеллигенции все еще нет адекватной замены, по крайней мере в политическом пространстве. Разочаровавшись во вчерашних "властителях дум", россияне голосуют (если голосуют) за таких же бесов, только не умствующих лукаво.

Неинтеллигентская образованная элита в России существует, но она еще социально слаба и не очень отделяет себя от интеллигенции. Рвать пуповину приходится самостоятельно, а это больно и не всегда посылно.

Становление новой экономики привело к формированию новых социальных страт, которым интеллигентские мифы, комплексы и предубеждения глубоко чужды. Появилась национальная буржуазия; вырос новый средний класс; формируется сословие новых профессионалов... Но все эти группы еще чуждаются социальной активности; побаиваются политики; не верят политикам.

И тем не менее люди уже есть. Сыграют ли они свою роль в истории; смогут ли преодолеть "дурную бесконечность" яновских циклов? Ответ не очевиден. На том перепутье, на котором находится сейчас наша страна, исход зависит от множества факторов; от усилий каждого неравнодушного гражданина.

Мы знаем точно, что не можем надеяться на интеллигенцию: все, что она сделала до сих пор, вело только к разрушению, а теперь время созидать.

Олигархия и либерализм

В настоящее время отвратительное торжество реакции побуждает многих забывать или замалчивать ошибки пережитой нами революции. Не может быть ничего более опасного, чем такое забвение; ничего более легкомысленного, чем такое замалчивание.
Петр Струве

Когда в 1997 году "молодой реформатор" со стажем Б.Е.Немцов ввел в российский политический оборот термин "олигархи", специалисты дружно запротестовали. Экономисты и социологи, историки и политологи - все по своим профессиональным основаниям - указывали на несоответствие названия и обозначаемого им явления. Но как говорил один герой Станислава Лема: "название неудачное - значит приживется".

По ту сторону мифа

Так и случилось. Сам Немцов побывал "престолонаследником", был (во многом стараниями тех, кого обозвал олигархами) отправлен в отставку, поначальствовал в либеральной партии и "выпал из гнезда", а пущенное им словечко прижилось, и вокруг него вырос мифологический пласт. С выходом на экраны фильма Павла Лунгина "Олигарх", где образ русского воротилы воплотил брутальный красавец Владимир Машков (ничуть не похожий на свой прототип - печально известного Б.А.Березовского), миф можно считать окончательно сложившимся.

Но помимо мифа есть и реальное явление, вокруг которого, собственно, миф и сложился. В результате "термидора" новой русской революции (1994-1996 гг.) образовалась небольшая группа очень богатых людей, оказывающих определяющее влияние на государственные дела.

Назвать эту группу олигархией - то есть властью немногих, владеющих всем, - без кавычек мешают три обстоятельства.

Во-первых, ее политическое влияние было приобретено относительно небольшими средствами и несопоставимо превышает ее экономический вес.

Во-вторых, группа не едина, ее участников почти все время раздирают острейшие противоречия, а потому быть властью она не может в принципе.

В-третьих, "олигархи" не являются лидерами бизнес-сообщества; более того, они зачастую действуют во вред ему.

Тем не менее роль и значение "олигархов" в нашей недавней истории и современной политике настолько велики, что смысл последней революции в России не может быть адекватно понят без их изучения.

Изучению русских олигархов посвятил свою книгу американский журналист Дэвид Хоффман. Солидный - почти в 700 страниц - том показывает, что автор соединяет острый взгляд репортера и исследовательскую добросовестность, которая могла бы сделать честь любому академику (к примеру, примечания, список использованной литературы и источников занимают 70 страниц - десятую часть объема книги). Благодаря этому сочетанию Хоффману удалось избежать практически неизменных для западного автора, пишущего о России, изъянов: психологического непонимания, черно-белого восприятия (причем чаще черного, чем белого), избыточной назидательности или разоблачительства.

У бывшего руководителя московского бюро "Washington Post" получилась беллетристически увлекательная и научно выдержанная книга, читать которую интересно не только соотечественнику автора, но и человеку изнутри российской действительности. Его интересует не только и не столько олигархическая практика, сколько "происхождение вида". То есть исторический, социальный, политический фон, породивший олигархов, определивший их успех и особенности образа действий. И надо отметить, что выглядит этот фон, на мой вкус очевидца, вполне достоверно, вплоть до бытовых и культурных деталей, к которым Хоффман испытывает особую привязанность, - причем совершенно разных, от будней комсомольского аппарата до выездов сотрудников НИИ "на картошку", от сюжетов советской нищеты до примеров нуворишеской роскоши, от духа рок-андеграунда до нравов высшей номенклатуры.

Великолепная шестерка

Вы хотите спросить, сицилиец ли он?
Марио Пьюзо

Книга Хоффмана рассказывает о шести представителях олигархического вида, которые "помогали управлять Россией во время одного из самых грандиозных и трудных экспериментов в ее истории", стали "лидерами, архитекторами и апостолами новой России" и "отведали огромной власти и/или немалого богатства". Интересен подбор персонажей: Александр Смоленский, Юрий Лужков, Анатолий Чубайс, Михаил Ходорковский, Борис Березовский и Владимир Гусинский. Можно понять, почему среди них отсутствуют "новейшие" олигархи, поднявшиеся в самые последние годы - Роман Абрамович, Олег Дерипаска, Александр Мамут, Алексей Мордашов. Видимо, Владимир Потанин, Михаил Фридман и Владимир Виноградов не попали в хоффмановский "пул" потому, что их пути мало отличаются от путей "шестерки", но притом каждый из них лично показался автору менее интересным. По той же причине среди "олигархов политического происхождения", рядом с Чубайсом и Лужковым, не оказалось Виктора Черномырдина.

Тем не менее хоффмановская шестерка вполне может считаться репрезентативной. В конце концов наиболее знаковые фигуры в ней есть, а выбрать Смоленского, а не Виноградова, как типичного "рухнувшего" олигарха, или предпочесть Ходорковского как олигарха комсомольского происхождения Потанину - дело авторского вкуса (хотя, как показал опыт двух лет, прошедших после выхода книги американского исследователя, пути Потанина и Ходорковского различаются не только деталями). Жаль, правда, что нет очерка о ком-то из нефтегазовых "генералов", вроде Рэма Вяхирева или Вагита Алекперова. Их политико-экономические роли вряд ли были меньшими, чем у героев книги Хоффмана, а своеобразие у "нефтегазового" пути в олигархии предостаточно.

"Олигархии" написаны в двух частях. В первой Хоффман внимательно отслеживает индивидуальный путь каждого из шести к вершинам богатства и власти. В его анализе нет проходных, несущественных вещей. Например, для понимания карьеры Михаила Ходорковского абсолютно необходимо знать настроения советской молодежи 80-х, обусловившие кризис комсомола и подтолкнувшие партийное руководство к коммерциализации своего молодежного "филиала", а объяснить успех Бориса Березовского нельзя без проникновения в быт и нравы советских научных учреждений. Очень тонко анализирует Хоффман особенности рушащейся советской экономической системы; лазейки, отыскивавшиеся в ней пионерами российского бизнеса; формирование предпринимательского менталитета - не очень похожего на психологию современных западных бизнесменов.

Вторая часть посвящена "олигархам в действии". По сути, это очерк политико-экономической истории России 90-х годов в части, касавшейся сначала становящейся, а затем зрелой "олигархии". Для американского автора (да и не только для американского) при рассмотрении такой темы возможны две крайности.

Первая - "макрейкерский" пафос, когда большой бизнес обвиняется во всех мыслимых и немыслимых грехах. Для такого подхода наши олигархи дают не меньше оснований, чем американские "бароны-разбойники" XIX века.

Вторая - житийная стилистика, в духе биографий "капитанов индустрии", как называли тех же "баронов" их апологеты. Обе традиции есть не только в американской литературе, но и вполне восприняты отечественной традицией.

Хоффману удалось не "свалиться" ни в одну из этих ям. Он, конечно, не избежал преувеличения исторической роли своих персонажей: именно они, по его мнению, "создали новую Россию", со всеми благами свободы и "прелестями" дикого капитализма. Но во всяком случае олигархи в трактовке Хоффмана не выглядят ни злобными монстрами, ни благолепными подвижниками. Они разные: амбициозный технократ Ходорковский и изворотливый комбинатор Березовский; грубоватый Смоленский и богемный Гусинский; жесткий интеллектual Чубайс и "крепкий хозяйственник" Лужков. Их всех объединяет деловая хватка, жесткость, лидерская "жилка" и весьма эластичная этика, но конечный выбор у каждого свой и судьба своя.

Одну черту, о которой Хоффман почти не говорит, отметить необходимо. Русские олигархи, доминируя в экономической жизни страны, не привязаны к национальной экономике: их богатство и власть основаны на вывозе ресурсов, не требующем развития национальной индустрии. Более того, для олигархов такое развитие скорее даже вредно - мешает. Соответственно их политическая позиция также не могла быть национальной; она была сугубо компрадорской.

Новый русский либерализм

Драку изобрели не люди, она задолго до нас существовала. Но люди изобрели политику... способ сосуществовать, не убивая друг друга.
Роберт Хайнлайн

Олигархи стали экономическими "маяками" России уже в 1992-1993 годах. Персональный состав их незначительно менялся, но "шестерка" и еще человек десять (то есть пятнадцать-двадцать человек и руководимых ими корпораций) лидировали до самого недавнего времени. А в середине 90-х их лидерство вышло за экономические границы и захватило политику.

В 1996 году олигархи впервые сказали решающее слово в политической жизни страны. Они тогда не только спасли Ельцина, но и по-настоящему реформатировали политическое пространство. Политическая карта России стала делиться не только и не столько на коммунистов и демократов (точнее - "на антидемократов и антикоммунистов", как в свое время заметил А.М.Салмин), сколько на "клиентов" Березовского, Гусинского, Ходорковского, Потанина, Фридмана и т.д.

Что сделали олигархи с российской политикой? Во-первых, подменили публичность манипуляцией. В передовиках "капиталистического труда" тут оказались медиамагнаты Б.А.Березовский и В.А.Гусинский, чьи информационные империи в 1997-1999 годах фактически заместили политические партии. Во-вторых, они заменили политический процесс "информационными войнами", в которых сами намечали врага, выбирали оружие и определяли победителей. В-третьих, сделали компрадорское направление господствующим.

Эти три новации сыграли решающую роль в массовом отвращении людей от политики. Они же создали и укрепили неразрывную связь олигархии и демократуры: вожди "прогрессивной общественности" попросту пошли на содержание к разным олигархам. Но самое главное их "достижение" сказалось позже: олигархи оказали определяющее влияние на идейно-политическую структуру общества. Существование и влияние олигархов сформировало новые политические позиции вчерашних революционеров. Иногда те пытались отмежеваться от олигархии как таковой (как вышеупомянутый Немцов), но корни не спрячешь. Можно сказать, что новый русский либерализм появился на свет от морганатического брака олигархии и демократуры.

Наследственность у дитяти оказалась тяжелой. Он унаследовал от обоих родителей экономизм и западничество, но не стал ни по-капиталистически деловым, ни по-интеллигентски идейным. Самое же главное, он получился совершенно неадекватным времени и стране: для людей он не годился ввиду своей очевидной антипатриотичности; для бизнеса был слишком сложен; для интеллигенции - слишком буржуазен; для бюрократии - слишком неуправляем. Даже сами "родители" не уделяли достаточного внимания своему ребенку - о нем вспоминали изредка, когда надо было показать "вундеркинда" чужеземным гостям.

Результатом такого отношения стало сокрушительное поражение либерализма - сначала аппаратное (1999-2002 гг.), а потом и публичное (2003-2004 гг.). А вместе с либерализмом стала рушиться и олигархия.

Уходящая натура?

Бизнес не взыскует либеральных реформ в политической сфере, не одержим манией свободы - он всегда сосуществует с тем государственным режимом, который есть.
Михаил Ходорковский

"Буря и натиск ельцинской эры затихли", - пишет Дэвид Хоффман, подводя итоги шести олигархических карьер. Герои в основном либо вовсе сошли со сцены, либо отошли на второй план. Разве что Ходорковский, перестраивающий себя и свою компанию в соответствии со стандартами цивилизованного капитализма, играл в момент публикации книги роль, близкую к прежней. Чубайс погрузился в реформу энергетики, Лужков - в московское городское хозяйство, Смоленский совсем пропал из виду, Гусинский и Березовский были насильно удалены из российской политики и бизнеса... Книгу "Олигархи. Богатство и власть в новой России" завершает цитата из Владимира Путина, который в ответ на вопрос некоего репортера о Березовском спросил: "А кто это - Березовский?" Надо понимать, что Хоффман считает историю олигархов в России законченной.

Однако мы олигархию учили не по Хоффману. Эксперты и публицисты в один голос сомневаются в провозглашенной Путиным политике "равноудаленности" и полагают слухи о смерти олигархии несколько преувеличенными. "Эталонный" олигарх Борис Березовский, которого как бы не знает президент, предпринимает титанические усилия для своего возвращения в политику и во власть. Остаются на арене обойденные вниманием американского хроникера Потанин, Фридман, Алекперов. К ним добавились "олигархи второго поколения" (Абрамович, Мамут, Дерипаска). И далеко не все олигархи, старые и новые, спешат сделать свои империи нормальными крупными корпорациями. Так что "ельцинский капитализм" не ушел вместе с Ельциным. А уж миф об олигархах переживает настоящий расцвет.

В то же время Хоффман, пожалуй, прав в своем ощущении радикальной перемены в характере российского капитализма. Сейчас трудно представить себе, чтобы какая-то группа финансистов сумела повторить кампанию Ельцина или "информационную войну" 1997 года. Даже самые крупные воротилы стали гораздо более зависимыми от государственных чиновников, а не наоборот. Богатых и знаменитых не стало меньше, но этот "хвост" больше не может вилять государственной "собакой".

Феномен Ходорковского

Вот поэтому он - Король, а вы сидите на заборе, и на носу у вас очки, а в душе осень.
Исаак Бабель

Своеобразное "послесловие" к книге Хоффмана - история Михаила Ходорковского. Самый благополучный из "шестерки" к 2003 году остался единственным олигархом, сохранившим - более того, преумножившим - свои политические амбиции. При этом он выбрал путь, в корне отличавшийся от траекторий Гусинского и

Березовского. Он нацелился не на теневое воздействие, а на строительство легальной политической силы.

Технократически Ходорковский все рассчитал правильно. Во-первых, перестроил свою компанию так, чтобы она выглядела современной законопослушной корпорацией. Во-вторых, развернул широкую социально-политическую активность, направленную на создание своей общенациональной сети. В-третьих, стал готовить собственный переход из бизнеса в публичную политику без потерь, то есть максимально выгодную продажу своей компании.

Вот только для постреволюционного периода расчеты оказались не верны. Демонстративное осовременивание корпорации "ЮКОС" не столько создало ей хорошую репутацию в глазах общества (отношение которого к любому богатому человеку все еще описывается пословицей "черного кобеля не отмоешь добела"), сколько вызвало напряжение других крупных компаний. Политическая активность насторожила государство и лично президента: возникла опасность появления в стране альтернативного политического центра, никак не зависящего от власти, что не сочетается с "вертикальной" политикой. Чтобы выгодно продать ЮКОС, Ходорковскому надо было повысить капитализацию компании и найти платежеспособного покупателя. Он добился первого, объединяя ЮКОС с "Сибнефтью", и повел переговоры с американской Exxon о продаже объединенной компании. И это означало бы, что крупнейший игрок на нефтяном рынке России уходит из-под контроля государства...

"Последний олигарх" завис между двух эпох - и был сбит на взлете. Можно сказать, что его насильственное устранение из политического процесса было равно выгодно как его противникам, так и "союзникам": они получили возможность свести публичную политику к борьбе между собой. Правда Ходорковского такое положение дел не устроило, почему, собственно, и появилось на свет его знаменитое открытое письмо из узилища. И оно, помимо всего прочего, показывает, что олигархическая эпоха в России и впрямь закончилась. А как насчет либерализма?

Либерализм на перепутье

Единственная свобода, заслуживающая э того имени, - это свобода следовать своей собственной пользе своим собственным путем.

Джон Стюарт Милль

Вокруг статьи Михаила Ходорковского "Кризис российского либерализма" поднялся большой шум, по большей части не имеющий отношения к содержанию этого по-настоящему серьезного текста. В основном говорили о чем угодно (как появилась публикация, сломался или не сломался автор, автор ли он и т.п.), но не о проблемах, которые были поставлены.

Это естественно: ни гонителям, ни защитникам не нужен Ходорковский-мыслитель или Ходорковский-деятель. Он им нужен как символ прошедшей эпохи, которую первые рисуют исключительно черной краской, а вторые - исключительно розовой. Возможности игнорировать человека, возведенного в ранг живого воплощения минувшей эпохи, ни у тех ни у других не было, вот они и стали уводить разговор в сторону; говорить не о позиции Ходорковского, а о его "покаянии" (при этом, как точно отметил Максим Соколов, понимая покаяние сугубо в полицейском смысле, как "чистосердечное раскаяние" перед "гражданином начальником").

Среди действующих политиков, пожалуй, единственным содержательным комментатором статьи Ходорковского стал Владимир Рыжков, опубликовавший собственную статью под названием "Апрельские тезисы о либерализме". Как и М.Б.Ходорковский, В.А.Рыжков говорит о либерализме. И это делает возможным разговор по существу проблемы, без отвлечения на скандально-пенитенциарную составляющую события.

Депутат Рыжков почти во всем согласен с анализом и оценками опального олигарха. Тем примечательнее расхождения между ними! По первому впечатлению их не так уж много - всего три. Но они касаются принципиально важных вещей - принципиально важных как для обоих авторов, так и для обсуждаемой ими проблемы.

Либерализм или либералы?

Отсутствие свободы, на которое жалуются люди или группы, порой сводится к отсутствию должного признания.

Сэр Исайя Берлин

Расхождение первое касается природы кризиса либерализма.

Диагноз Ходорковского суров: электоральный провал либеральных партий в декабре 2003 и марте 2004 года обусловлен сущностными чертами отечественного либерализма со всей его "муторной историей". Такие черты, как национальный нигилизм, антигосударственничество, догматизм, свойственны нашему либерализму давно, и без их преодоления Россия никогда не придет к свободе.

Позиция Рыжкова не столь определена. Он, как и Ходорковский, признает кризис "либерализма как политического течения". Но причину видит отнюдь не в идеях, а в их носителях: "дело не в либерализме, а в либералах". Соответственно решение проблемы видится довольно простое: поменять вождей и объединиться.

Но так ли уж плохи либеральные вожди? Такие люди, как Анатолий Чубайс и Егор Гайдар, Борис Немцов и Ирина Хакамада, Григорий Явлинский и сам Владимир Рыжков, вряд ли могут быть названы неумными, неумелыми, недалекими и т.д. Их политический опыт и таланты несомненны, но вот возглавляемое ими дело почему-то в провале.

Признавать или воевать?

Твердость позиции, которую не в силах изменить ход проигрываемой битвы, - характерный признак правящего меньшинства распадающегося общества.
Арнольд Дж. Тойнби

У Ходорковского есть свое объяснение этого провала: отрыв либералов от страны, упрямое противопоставление ими себя государству. В частности, негативное отношение к президенту как институту. Ходорковский говорит о необходимости "признать легитимность президента" как важнейшего института государства. Рыжков протестует против "абсолютизации роли института президентства". Похоже, что первый говорит именно об институте, а второй - конкретно о Путине, коего считает проводником "авторитарной модернизации".

Эта посылка для Рыжкова аксиоматична, но верна ли она? Как ни странно, за последние четыре года в государстве российском не произошло ни одного институционального изменения по сравнению с ельцинским периодом. В президентской программе, которая многократно провозглашалась, нет ни одного авторитарного положения. Что же касается авторитарных действий власти (а они действительно есть), то они не носят системного характера, а самое главное - ничем по сути не отличаются от авторитарных же действий, производившихся в 1990-е годы. Разве что объект изменился, да и то не кардинально.

Что действительно изменилось, так это отношение общества. Требования "порядка" и "справедливости" звучат сегодня гораздо громче, чем лет пять назад. Но вот что характерно: президент реагирует на эти требования в минимальном объеме. Ходорковский отмечает, что 70 процентов россиян менее либеральны и демократичны, чем президент Путин. Рыжков с этим не согласен: для него быть менее либеральным, чем Путин, - значит выступать "за диктатуру и погромы". Так ли это?

У Ходорковского есть внятный аргумент - отношение к частной собственности. Подавляющее большинство граждан России выступает за передел собственности. Однако президент, так чутко откликающийся на "народные чаяния", в данном случае идет вразрез с мнением большинства, категорически отказываясь от передела. Кто же либеральнее - президент или общество? А если общество не либерально, то не значит ли это, что с либерализмом не все в порядке? И что в этой ситуации делать?

Думать или трясти?

Если говорить о главной беде, которая по-настоящему грозит нашему политическому будущему, то это не тоталитарный режим... а чудовищный дефицит исторического смысла.
Александр Архангельский

Третье расхождение напрямую вытекает из двух первых - о программе действий. Ходорковский считает, что требуется переосмысление опыта, просветительская работа и реформатирование элиты. Рыжков полагает достаточным поменять вождей, объединиться и встать в непримиримую оппозицию "авторитарному режиму". Вопрос о том, кого и против кого (чего) объединять, для Рыжкова не стоит. Достаточно поменять имена лидеров - и кризис кончится. И тут становится очевидным, что при всем внешнем сходстве и согласии, Ходорковский и Рыжков предлагают два принципиально разных пути для развития российского либерализма.

Вариант Ходорковского - путь серьезной трансформации и содержания либеральной идеи и ее носителей. Идея должна стать национально ориентированной, государственно ответственной, реалистической. Ее носителями должны быть новые люди, до сих пор не участвовавшие в политике, - новая буржуазия, новые

профессионалы, новое поколение.

Вариант Рыжкова - "косметический ремонт". Сменить вождей, подновить программные тексты (чуть-чуть), встать в непримиримую оппозицию "авторитарному режиму". За вычетом косметики - те же люди, тот же дух. Впрочем есть и серьезные изменения: уже сама тематика, о которой говорит Рыжков, отличается от прежней демократической повестки дня. Теперь это - социальное неравенство, демографический кризис, развитие профсоюзного движения... То есть налицо явный крен влево, к проблемам, которыми всегда и везде занимались всяческие социалисты и социал-демократы.

Выбор на самом деле получается довольно простым. Либералам надо идти или направо - по Ходорковскому, или налево - по Рыжкову. Первый вариант сложен и тернист: надо пройти по узкой грани между лояльностью государству и конформизмом; нужно вовлекать в политический процесс людей, исполненных предубеждений против политики как таковой, нужно решать почти неподъемные задачи. Второй вариант гораздо проще - российской интеллигенции не привыкать бороться с властью за социальную справедливость (особенно когда "кровавый режим" довольно мягок и не очень мешает жить).

Но ведь дело не в том, какой путь проще. Собственно, и не в либерализме - в конце концов историческая победа либерализма всегда означает его поражение как политического течения. Когда либеральные ценности становятся всеобщим достоянием, либеральные партии теряют смысл своего существования. Проблема пока не в том, чьи ответы вернее - надо понять, чьи вопросы точнее. Именно здесь сегодняшняя политическая элита России в наибольшей степени демонстрирует свое бессилие.

Хотя что значит "политическая элита"? Об интеллигенции или о демократуре, как ее верхушке, говорить уже не хочется. Об олигархах - уже бессмысленно. Таковых в России в самом деле больше нет - есть небольшое число очень богатых людей. И Ходорковский, когда и если ему удастся вырваться из заточения в политику, явно не будет там олигархом (а кем будет - это вопрос будущего, а не прошедшего).

На политической арене остался только один субъект - бюрократия. Придется внимательно посмотреть на нее.

Из жизни начальников

России нужна сильная надноменклатурная власть.
Виталий Найшуль

О российской бюрократии совсем не хочется писать. Во-первых, о ней написано уже очень много, трудно добавить что-то новое. После классического труда М.С.Восленского открыть нечто неизвестное про нашу бюрократию вряд ли возможно в принципе.

Во-вторых, противно: чиновничество ни у кого не вызывает восторга, даже у себя самого. Общаясь с отдельными чиновниками еще можно держать себя в руках (и даже относиться к ним с уважением), но их общность будит только негативные эмоции.

В-третьих, не хочется впадать в разоблачительство. И так развелось слишком много дешевых "макрэйкеров", сладострастно перечисляющих начальственные машины-дачи-счета. При этом и апологетом "граждан начальников" становиться совсем не хочется. А проходить посередке "бывает склизко"...

Короче говоря, причин не касаться этого сюжета много. Но ведь никуда не денешься: бюрократия в России очень давно стала главным субъектом политического (поднимай выше - исторического!) процесса, а сейчас, когда революция окончена, ее социальная роль в очередной раз возросла до решающей. Так что, хочешь разобраться в нашей действительности - изучай начальников.

Выживает хитрейший

Одно неосторожное движение - и ты отец.
Михаил Жванецкий

Когда приключилась новая русская революция, старое советское начальство умудрилось оказаться одновременно побежденным и победителем. Тут важно помнить, что советская номенклатура была не только "иерархией функционеров", как определял бюрократию Макс Вебер, но и социальной группой. Причем не просто влиятельной - в СССР она была единственной структурированной стратой (кстати говоря, и сегодня она остается самой структурированной и влиятельной).

Именно номенклатура невольно запустила механизм разрушения системы - собственно, больше никому было,

иных групп влияния в СССР попросту не было. Как писал позднее Егор Гайдар, "к радикальным переменам номенклатура не была готова, но локальных ждала с нетерпением". Стремясь избавиться от страха перед реинкарнацией Сталина и закрепить свое фактическое владение страной, номенклатура поддержала курс М.С. Горбачева на перемены. Ни она сама, ни ее генеральный секретарь не приняли в расчет, что под тоталитарным прессом прорастало новое общество, и "это "предгражданское" общество - уродливое, теневое, с сильным криминальным оттенком, олигархическое и т.п. - вызревало внутри системы, давило и требовало каких-то перемен"^{*}. И общество, которому позволили быть немножко свободным, потребовало себе всего: "Революция, спущенная сверху, была подхвачена низами и подхвачена под антиноменклатурными, эгалитарными лозунгами".

При таком повороте событий номенклатуру спасло лишь то, что она уже не была, по большому счету, советской. "Страх и исторический опыт довели над номенклатурой. Но главное, ей легко было "поступаться принципами", ибо их у нее давно не было", - свидетельствует Е.Т.Гайдар, не понаслышке знакомый с позднесоветской номенклатурой. И "слуги народа" всю занялись "тихой" приватизацией государственной собственности (формальная приватизация 1992-1994 годов во многом лишь закрепила результаты фактической, прошедшей в 1989-1991 гг.). Правда при этом они не заметили, как потеряли легитимное право властвовать.

В это время как никогда расцвела коррупция, гуманизирующую роль которой нельзя недооценивать. Стремление соединить власть и собственность - вообще-то вредное для страны - на уровне отдельных начальников привело к отсутствию авторитарной воли в масштабах всего аппарата. Это и позволило перевороту свершиться почти безболезненно. Единицы из многотысячной номенклатурной армии решились на силовое действие (августовский путч), да и то на удивление бездарное и вялое. В результате казавшийся незыблемым режим рухнул в считанные дни.

После августа номенклатура впала в растерянность. Она потеряла политическую инициативу - впервые за 70 лет. Судьбы страны стали вершить люди, которым это было не положено ни по чину, ни по возрасту. При этом номенклатуру как таковую никто не вывел за скобки - все "властители дум" после 21 августа пели одну песню: "Не допустим охоты на ведьм". Так что от рук революционеров пострадал только Ф.Э.Дзержинский, да и тот бронзовый...

Но уцелевшая номенклатура пережила сильный шок. Внутри нее произошло внутреннее размежевание на три группы. Первая - самая малочисленная и самая титулованная - сохранила жизнь и право на привилегированность (правда теперь скорее символическую), но безвозвратно потеряла власть. Они попали в число во всем виноватых как для "бывших", так и для "нынешних". Ярчайший представитель этой категории - М.С.Горбачев, чья попытка баллотироваться в президенты России в 1996 году до сих пор вызывает чувство неловкости: набрал бывший генсек КПСС и президент СССР меньше двух процентов голосов.

Другая, куда более многочисленная категория, - "не выигравшие" (они же "не надулившись"). При советской власти они прозябали на должностях инструкторов горкомов или обкомов; при новом режиме некоторые из них поднялись на уровень федеральных парламентариев, а то и губернаторов, чего обычным номенклатурным путем не достигли бы никогда, но они ненавидят этот режим за сломанную регулярную, "как положено", карьеру...

Но самой многочисленной группой оказались "приспособившиеся", занявшие места в новом государственном аппарате. Тем более что распад номенклатурной вертикали привел не только к ослаблению номенклатуры как класса, но и создал возможность ее возрождения: в отсутствие централизованного пресса аппаратчики начинали приноравливаться к реальности всяк по-своему, а уж приноравливаться они умеют. Эта группа составила костяк новой бюрократии, которая получила к тому же приток свежей крови: в начале 90-х в начальники подались многие интеллигентские лидеры, часть из которых вполне вписалась в номенклатурный этос.

Новая русская бюрократия

Кто эти люди? Что здесь происходит?

Владимир Вишневский

В середине 90-х выяснилось, что у новой власти возник большой спрос на бюрократические услуги. Во-первых, российское чиновничество обнаружило богатейший запас прочности и оказалось самой надежной опорой для нового режима. Во-вторых, революционная интеллигенция, как и сто лет назад, показала свою полную государственную бездарность. И, в-третьих, у новой власти выявились проблемы с демократическими

процедурами, без которых ее легитимность была даже не нулевой, а отрицательной. И единственной реальной возможностью решить электоральные проблемы оказался административный ресурс. Поэтому в середине 90-х произошел настоящий "бюрократический ренессанс".

Правда нельзя сказать, что новая бюрократия полностью тождественна советской номенклатуре. Она отличается от нее и по персональному составу, и по характеру. Новая номенклатура менее организована и дисциплинирована, но она гибче и легче адаптируется к переменам. Это все же новое социальное явление, хотя весьма древнего происхождения.

М.Ю.Соколов еще в 1995 году обратил внимание на то, что новая русская бюрократия похожа не только на совноменклатуру, но на весь российский "класс начальников" в целом. Учредительный съезд номенклатурной партии "Наш дом - Россия", состоявшийся летом 1995-го, в тогдашней прессе принято было сравнивать с форумами советских времен - съездами КПСС, пленумами и партхозактивами. Соколов же провел иную аналогию - с собранием Английского клуба, описанным в "Войне и мире". И сделал вывод, что сегодняшняя бюрократия есть очередное воплощение служилого сословия, еще со старомосковских времен игравшего в жизни страны ведущую роль. Соответственно ей свойственны все неперенные черты этого сословия - клановость, "подкованность", коррумпированность, иерархичность.

В то же время новая русская бюрократия имеет ряд специфических черт, порожденных особенностями времени. Во-первых, она фактически не составляет единого целого; региональные административные элиты замкнуты на себя. Советские карьерные механизмы - как горизонтальные, так и вертикальные, - разрушены революцией, а новые не созданы. Во-вторых, сегодняшняя бюрократия в большей степени, чем это было всегда, открыта для притока людей со стороны - из публичной политики и бизнеса. Сейчас эта черта уже не так очевидна, как в начале 90-х, но она есть. В-третьих, десятилетия идеократии выработали аллергию на любую идеологию не только в обществе, но и в номенклатуре. Там она, пожалуй, даже сильнее, чем в среднем по стране. Это означает, что наша бюрократия стремится обойтись не только вовсе без идеологии, но и без какой-либо корпоративной этики. Самая же специфическая черта новой русской бюрократии - необходимость играть на публичном поле. Такого в нашей истории еще не было.

Таким образом, социально-политическая роль бюрократии в революционной и постреволюционной России глубоко противоречива. Она одновременно и модернизатор ("единственный европеец", как и во времена Пушкина), и реставратор. Она монолитна, как полагается "иерархии функционеров", и разнородна. Она стремится к общей упорядоченности - и к удовлетворению своих эгоистических интересов.

В годы "директории" бюрократия постепенно укрепляла свое положение, существуя в причудливом симбиозе с двумя новыми элитными группами, порожденными революцией, - демократурой и олигархией. Вершины этого треугольника находились между собой в постоянном конфликте, но при этом вынуждены были помогать друг другу, чтобы не допустить реставрации. Скреплялось это единство противоположностей непререкаемым лидером - президентом Б.Н.Ельциным.

Просто царь

Жихарь привычно провозгласил: - Эх, всех убью, один останусь!
Михаил Успенский

Роль Бориса Ельцина в новой русской революции невозможно переоценить. Он был и нашим Мирабо - бунтарем изнутри системы, возглавившим "третье сословие"; и русским Дантоном, низложившим старый режим; и современным Робеспьером, осуществлявшим основные революционные преобразования; и, наконец, Баррасом, создавшим временный режим, тем самым не допустив реставрации и подготовив выход из революции.

Титаническая - не только в физическом смысле - фигура Ельцина на протяжении двенадцати лет высилась над нашим политическим ландшафтом. Отношение к "президенту всех россиян" было необходимым и достаточным условием для определения политической позиции. Борис Николаевич был осью российской политической жизни - и на пике фантастической популярности, и в эпицентре массовой ненависти; даже когда казался безвозвратно погрязшим в пучине сенильного слабоумия или отлеживался в ЦКБ. Притом что он никогда не был интеллектуалом, дипломатом, стратегом и т.д. Но именно он сумел выстроить удивительно "сейсмостойкую" систему власти, позволившую стране пережить революцию с минимальными издержками.

Ельцин - сознательно или неосознанно - нашел для себя оптимальную роль, легитимизировавшую его право на власть: роль русского царя; всеобщего отца, который может карать и миловать, дурить и властвовать. Тем

самым он поднялся над основными группами влияния и взял на себя функцию арбитра между ними. У него не было возможности по-настоящему подмять под себя эти группы, но он добился того, что все они признали за ним право удерживать баланс.

Однако соотношение элитных групп не было постоянным: демократуру и олигархат раздирали внутренние противоречия, они все ожесточеннее боролись между собой. Нельзя сказать, что бюрократия оставалась при этом монолитной: достаточно вспомнить возникновение в 1998-1999 годах "номенклатурной оппозиции" во главе с Ю.М.Лужковым и Е.М.Примаковым. Но внутрибюрократические раздоры были не столь напряженными, так как инстинкт самосохранения в номенклатуре развит гораздо больше. Кроме того, Ельцин сам происходил из номенклатуры и потому инстинктивно тяготел к ней (хотя, зная чиновничество изнутри, все время бдительно следил, чтобы оно не слишком консолидировалось).

Однако к 1999 году силы Ельцина - физические и политические - были на исходе. Система быстро пошла вразнос, и спасти ее, казалось, могло только чудо. Впрочем, чудо ли? Внутриэлитные раздоры 1997-1999 годов и экономический кризис 1998-го не только нарушили равновесие между тремя основными группами интересов, но и ослабили каждую из них изнутри. При этом общество давно исчерпало свой революционный потенциал, а потому никто не мог и не хотел всерьез рушить систему. Некому было и совершать военный переворот - из советских вооруженных сил Бонапарт появиться не мог. Какой же Бонапарт без военных подвигов? И Ельцин одержал свою последнюю победу: он "назначил Бонапартом" В.В.Путина. То есть сделал ставку на бюрократию, как самую устойчивую и способную к консолидации часть общества.

Одни в поле

*Сказал он: "Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец,
Но у меня есть палка,
И я вам всем отец!"*
А.К. Толстой

"Брюмер" 1999-2000 годов привел к краху симбиотической структуры; началось политическое падение олигархии и демократуры на фоне бюрократической консолидации. За четыре года после революции бюрократия фактически стала единственным полноценным политическим субъектом. Бюрократия стремится быть самодостаточной не только из корыстных побуждений - многие бюрократы, особенно высоко сидящие, искренне уверены, что только они знают, как и что надо делать для блага страны. Она не пользуется популярностью, но общество по привычке признает право начальников управлять страной. Во всяком случае в большей степени, чем право богатых или образованных. Куда же ведет страну этот единственный субъект?

Бюрократия, что естественно, стремится к максимальной централизации власти, чем сама себя ослабляет. Дело в том, что установить настоящую автократию она не может по трем причинам. Во-первых, не доверяет собственному лидеру. Не только конкретному президенту Путину, но любому сильному вождю: ведь для укрепления единовластия тому потребуются подтягивать саму бюрократию, а она в послесоветские годы слишком привыкла к бесконтрольности и сибаритству. Во-вторых, новая русская бюрократия несмотря на все "вертикальные" усилия не достигла внутреннего единства. Следовательно, и "коллективное руководство", осуществляющее диктатуру, тоже не получится. Самое же главное, для полноценной диктатуры нужны мощная энергетика власти и эффективные инструменты. У нас же нет ни того, ни другого.

В то же время без полноценной диктатуры осуществить чаемую централизацию бюрократия тоже не может - во всяком случае надолго. Сегодня у нее ограниченный ресурс контроля над обществом; "вертикаль" действует до тех пор, пока общество с ней мирится. На сегодня это так - как свидетельствуют социологи, "существующая властная система пользуется значительной массовой поддержкой (доверием, одобрением)". Но доверяют скорее не институтам, а личности, что вряд ли можно считать надежным основанием для государственной системы. К тому же существующая система неповоротлива при радикальных изменениях ситуации, что стало очевидным во время и после Бесланского кризиса. У нее нет ни мощного командного центра, способного реагировать на изменения если и не правильно, то быстро, ни альтернативных центров влияния, которые предлагали бы различные варианты решения.

Не забудем также и про сложные отношения бюрократии с первым лицом государства. Владимир Путин пришел к власти, опираясь на очень скромную поддержку в элитах. За ним была часть федеральной бюрократии (по большей части из силовых ведомств), несколько олигархов и ничтожно малое число представителей демократуры - жалкое подобие ельцинской коалиции. Их преимущество было в консолидации (фактором сплочения стала общая угроза), а все прочие с энтузиазмом предавались "войне всех против всех".

Став президентом, Путин занялся "зачисткой" политического пространства, устраняя из него элиту ельцинского времени. Но своей собственной у него не было, и он сделал ставку на "мнение народное". Политическое доминирование президента обеспечивается тем, что он - единственный политик и институт власти, которому люди доверяют. Это заставляет с ним считаться всех, в том числе и бюрократию.

В то же время бюрократия Путину необходима: его "рейтингократия", как выражается публицист Алексей Чадаев, требует построения "вертикали власти" в масштабах всей страны, для которой нужен строительный материал - бюрократия. Президент и аппарат в этой ситуации - "заклятые друзья", и это создает напряжение в системе.

В моем начале мой конец...

*Когда увидишь человека,
Который наг...
(вариант - На моем фрак).
Козьма Прутков*

Не будем несправедливы к "партии начальства" - она далеко не так глупа и корыстна, как любят представлять ее интеллигенты. Управленческая квалификация и практический опыт у многих бюрократов гораздо выше, чем у их критиков; их субъективные мотивы нередко вполне благородны; даже историческая роль бывает прогрессивной.

Но это менее важно, чем общая ситуация "деполитизации политического пространства", то есть монополизации властных ресурсов, сворачивания публичной конкуренции, сведения властвования к технологии управления. Слишком много государства - всегда плохо, а уж государства, сведенного к бюрократической иерархии, тем более. В таком государстве нет чуткости к изменениям, преобладает технократизм, нет конкуренции идей, и все это прямой дорогой ведет к тяжелым кризисным ситуациям, из которых непонятно как выбираться.

Бюрократия сегодня как бы усилилась, и в этом прослеживается тенденция к ее ослаблению. У нее сегодня нет конкурентов. Она опирается на общественную усталость от революционного хаоса и вековую традицию бюрократического господства. Она стремится повсеместно утвердить свое доминирование - в политике, экономике, общественной жизни.

Но тем самым бюрократия набирает слишком много функций, чем создает все большую вероятность крупных ошибок. Притом что у нее нет способности силой утвердить собственную непогрешимость - сил-то нет. И это означает, что самая живучая, могучая и до сих пор никем непобедимая социальная группа революционного периода в действительности находится в крайне рискованной и неустойчивой ситуации.

Два "Рима" - демократура и олигархия - пали, третий (бюрократия) висит на волоске. Быть ли четвертому?

Партийная Россия

*Никто не проиграл, пока никто не выиграл!
Джек Лондон*

Многопартийность была одним из основных устремлений демократической общественности времен перестройки и гласности. Что такое реальная многопартийность, как она создается и зачем нужна - никто этого толком не знал. Достаточно было того, что многопартийность существовала в любой развитой демократии. К тому же она противопоставлялась однопартийной монополии на власть, закрепленной в конституционном положении о "руководящей и направляющей роли КПСС".

Тем не менее, потребность в устойчивой партийно-политической системе для модернизирующегося общества не мнимая: именно партии призваны быть основным инструментом политического влияния гражданского общества - имея в виду, что гражданское общество есть модель социального строя, а не один лишь "третий сектор". Других реальных инструментов человечество пока не создало - во всяком случае для демократии (как не создало пока и чего-либо более удачного, чем демократия).

Именно партии призваны быть медиатором между большинством и группами интересов; именно в партиях должен формироваться политический класс демократического общества; именно через партии должна формироваться политическая повестка дня. А как обстояло и обстоит дело с партиями в России на самом деле?

Переход от разговоров о многопартийности к строительству новых партий произошел в результате первых относительно свободных выборов 1989-1990 годов. Во время кампаний по выборам народных депутатов СССР, РСФСР, региональных и местных советов стали возникать многочисленные самостоятельные организации, нацеленные на политическое участие: "объединения избирателей", "народные фронты", "политические клубы". Партийная политика постепенно стала интересовать не только неформалов и диссидентов, но и людей более респектабельных.

Первой протопартийной структурой, пользовавшейся общественным признанием, была Межрегиональная депутатская группа, возникшая на первом съезде Народных депутатов СССР (1989 г.). Затем была "Демократическая платформа в КПСС", заявившая претензию уже не только на "плюрализм мнений", но и на некий политический плюрализм.

Ну а годом рождения российской многопартийности стал 1990-й, когда одна за другой были основаны демократическая, социал-демократическая, республиканская, христианско-демократическая, конституционно-демократическая и другие партии. Все они создавались как оппозиционные по отношению к правящей КПСС, и номенклатура - в противовес "диким" демократам - предприняла шаги по формированию "управляемой" многопартийности. В том же 1990 году под патронажем КПСС был образован "Союз центристских организаций", из которых август 1991-го пережила только одна - Либерально-демократическая партия Советского Союза (с 1992 - России) во главе с Владимиром Жириновским.

В начале 90-х годов в России уже были десятки партий, "разобравших" все известные в российской и западной политической истории "бренды" - от социалистического до консервативного. Но ни одна из них не играла сколь-нибудь заметной роли в реальном политическом процессе. Все ведущие политики России, начиная с "президента всех россиян" Бориса Ельцина, оставались подчеркнуто беспартийными, и большинство граждан такое положение вещей вполне устраивало. Относительная партийность политиков существовала только до тех, пока была необходимость организовываться для противостояния КПСС.

Оппозиция в 1991 году была объединена в рамках движения "Демократическая Россия" - действительно широкого, но весьма аморфного объединения, державшегося только наличием общего врага. Когда же КПСС была распущена, "Демроссия" постепенно сошла на нет. Однако события 1991-1993 годов привели новую политическую элиту к выводу о необходимости партийного структурирования. Падение популярности президента и правительства реформаторов, острая политическая борьба внутри съезда народных депутатов России, конфронтация президента и Верховного Совета - все это показывало, что публичная политика нуждается в структурировании.

Что выросло, то выросло

Заказчик: Вы возились полгода! Господь весь мир со творил за шесть дней!

Портной: Таки посмотрите на этот мир - и посмотрите на эти брюки!

Одесский анекдот

В 1993 году ельцинскими стратегами была предпринята попытка реализовать многопартийный проект. Главным инструментом его реализации стала смешанная избирательная система, которая делала партии обязательным субъектом политического процесса. Выборы по партийным спискам действительно активизировали становление партийной системы в России. Но она оказалась совсем не такой, как планировали Г.Э. Бурбулис (в то время главный политический стратег президента и правительства) и его сотрудники.

Во-первых, блок реформаторов и бюрократов "Выбор России", возглавлявшийся Егором Гайдаром, не получил даже относительного большинства. Во-вторых, неожиданный успех сопутствовал маргинальной Либерально-демократической партии России, идеология и риторика которой не имели ничего общего ни с либерализмом, ни с демократией, но носили ярко выраженный национал-популистский характер. В-третьих, закрытая в 1991 году компартия возродилась и заняла солидное место в новом парламенте. В-четвертых, среди российских партий появилось объединение, одновременно демократическое и оппозиционное - блок Григория Явлинского (позднее принявший официальное название "Яблоко").

Иными словами, первая партийная система России оказалась недостаточно сконструированной, но

сложившейся естественным путем.

Уже в 1993-м проявились три основополагающие черты современных российских партий. Во-первых, их "нетрадиционная ориентация": ни одна из российских партий, имеющих какое-либо влияние на политический процесс, не вписывается в традиционный для демократической системы идеологический спектр. Партии, внятно заявляющие о своей идеологической принадлежности, неизменно терпят поражение на выборах. У тех же, за кого голосует свыше пяти процентов избирателей, идейно-политические позиции крайне эклектичны. Во-вторых, типичная российская партия имеет ярко выраженный лидерский характер. В отсутствие определенной социальной базы (которой у российских партий быть не могло ввиду неструктурированности общества) и внятной идеологии, фигуры лидеров оставались единственными ясными "идентификаторами" партийных объединений. В-третьих, партийная структура не совпадает с реальным спектром политических мнений в обществе. В силу все той же слабой структурированности общественное мнение меняется слишком быстро, чтобы неустойчивая и во многом случайная партийная система могла адекватно реагировать на его изменения.

Партии в России получились слабыми и неустойчивыми. Почувствовав это, бюрократическая элита в 1994 году отказывается от попыток создать собственную партию большинства. Это в первую очередь сказывается на тогдашней проправительственной партии "Выбор России": размежевание бюрократии и демократии приводит к крушению блока Гайдара.

Убежденные демократы-ельцинисты создают на обломках блока партию "Демократический выбор России", после выборов 1995 года оказавшуюся за бортом парламента. Полная беспартийность власти приводит к тому, что вся партийная система становится в оппозицию. Поскольку же партии к тому времени успевают закрепить за собой не слишком обширную, но заметную "территорию" в российской политике, концепция меняется. В 1995-м предпринимается первая попытка формирования "партии власти" - движения "Наш дом - Россия".

Тем не менее, партийная система 1996-1999 годов оказалась еще более оппозиционной, чем предшествующая. Даже НДР, чтобы оправдать статус политической партии, занимает если не радикально-оппозиционные, то во всяком случае умеренно-критические позиции. Поскольку же президентская власть в это время слабеет, то оппозиция, а именно партии, усиливается, к концу 1998 года достигая пика своего влияния.

Противоборство олигархических группировок также способствовало оживлению нового партийного строительства. Начинается формирование партии, претендующей на статус "партии будущей власти" ("Отечество" Ю.М.Лужкова, затем преобразованное в блок "Отечество - Вся Россия"). В период правительства Примакова казалось, что все предreshено...

Вчера и сегодня

Некое удовлетворение позиционных амбиций можно получить, умело манипулируя иллюзиями.
Эрнест Геллнер

Контурсы партийной системы, наметившиеся в начале 1999 года, однако, оказались ложными. Произошедший внутри властной элиты раскол не только породил партию "номенклатурной оппозиции", но и активизировал других участников политического процесса.

Прежде всего оживились многочисленные - и до сих пор разрозненные - партии правого толка. Их лихорадочная деятельность привела к образованию блока "Союз правых сил".

Не собиралась сдаваться и "кремлевская" часть элиты. Выход на арену Владимира Путина и взлет его популярности, связанный с началом второй чеченской войны, позволил осуществить уникальный проект - создание "виртуальной партии", которая чисто технологическими методами добилась значительного электорального успеха (этот урок был хорошо усвоен номенклатурой и через четыре года дал ошеломляющий результат).

Выборы 1999 года ознаменовали слом партийной системы, отстраивавшейся прежде всего от отношения к президенту Борису Ельцину. Однако новая партийная система создана не была.

В 2000-2001 годах во всех частях политического спектра происходили большие перемены, от которых можно было ожидать становления более осмысленной системы. Но этого не произошло. Большая осмысленность появилась только в центре, где произошла реконсолидация бюрократической элиты, увенчанная созданием партии "Единая Россия". На левом же, а особенно на правом флангах "разброд и шатание" сохранились - и

даже усугубились, поскольку президент и его партия полностью забрали себе политическую инициативу. Впрочем, о президентской партии можно говорить лишь с большими оговорками - что к "Единству", что к "Единой России" вполне применимо хлесткое определение, данное Михаилом Леонтьевым: "Мешок с голосами".

В 2003 году страна вошла в новую избирательную кампанию, что активизировало партийную деятельность, и результаты этой деятельности для общества оказались шокирующими. Чтобы лучше понять, почему итоги оказались именно такими, надо обратить внимание на три ключевых парадокса российской партийной системы.

Парадокс первый - социальный. Принято считать, что постсоветское общество представляет собой довольно аморфное образование, в котором слабо выражено деление на страты, а значит нельзя говорить о внятных социальных интересах. И что мы составляем скорее не общество, а население. Однако российское общество уже гораздо структурированнее, чем было в начале новой русской революции. А политический класс серьезно, если не безнадежно, отстал от общества. Авангард оказался арьергардом, и потому разрыв партийной системы с обществом, которое она обязана представлять, усугубился. Отсюда неудовлетворенность формирующихся (а во многом уже сформировавшихся) социальных групп качеством партийной системы и растущая потребность в трансформации этой системы.

Разрыв между спросом и предложением на политическом рынке порождает парадокс второй - идеологический. Мировая тенденция последних десятилетий состоит в обостряющемся кризисе традиционных идеологий. Это значит, что внешний контекст для складывания партийно-политических систем скорее неблагоприятен. Трудно строить либеральные, консервативные, социал-демократические партии в ситуации, когда утрачивается определенность в понимании того, что, собственно, означают понятия либерализм, консерватизм, социал-демократия. В этом одна из основных причин неуспеха традиционных политических "брендов" в российской политике. Казалось бы, что при таком положении дел надо либо вообще отказаться от принципа партийности в политическом процессе, либо обратиться к неидеологической модели партийного строительства. Но отсутствие идеологического стержня в модернизирующейся стране делает любую партию неустойчивым и невнятным образованием.

Таким образом, партии нуждаются в идеологических основах, но обновленных. В обновлении прежде всего нуждается идеология правого фланга, что приводит нас к парадоксу третьему - правопартийному. Правые (хотя понимание этого термина у нас не вполне совпадает с западным) политики в России сыграли ведущую роль в сломе советской системы и переходе страны к демократической модели развития. Правый фланг был и остается самой динамичной частью политического спектра. Экономическая и политическая модернизация страны - по определению правое дело.

Вместе с тем правый фланг - слабое звено российской партийной системы. За правые партии голосует исчезающе малое число избирателей. Правые лидеры политически беспомощны и не могут выпутаться из паутины личных конфликтов, амбиций, предубеждений. Правые партии неспособны сформулировать современную повестку дня, они отдали политическую инициативу бюрократии и не могут проложить самостоятельный курс между Сциллой соглашательства и Харибдой негативизма.

"Правый" парадокс имеет логичное объяснение: правые были главными действующими лицами революции, которая завершилась в 1999-2000 годах. Но завершение революции еще не означает успеха модернизации; должно произойти упорядочение революционного наследия, постреволюционная стабилизация, не отменяющая, а закрепляющая модель развития, утвержденную революцией. Это процесс, требующий осмысленной политической стратегии, которая, прежде всего, должна быть правой. Солидаризм бюрократического центра и эгалитаризм левых в отсутствие модернизма правых чреваты стагнацией, а замещение либеральных правых правыми радикалами ведет к реставрации.

Эти три парадокса и определили сокрушительный для партий исход парламентских и президентских выборов в декабре 2003 и в марте 2004 года. Их несомненным победителем оказалась только администрация президента, в декабре успешно реализовавшая сразу три электоральных проекта. Первый - "мажоритарный": "Единая Россия" под знаменем Путина получила конституционное большинство. Второй - "канализационный": В.В.Жириновский блестяще отыграл свою роль и собрал голоса маргиналов, не дав им утек к реальным неуправляемым экстремистам. Третий - "разрушительный": блок "Родина" сумел расколоть казавшийся нерушимым монолитом электорат КПРФ. В марте же администрация президента обеспечила практически безальтернативное переизбрание В.В.Путина.

После выборов развал партийной системы продолжился: раскололись "Родина" и КПРФ, продолжилась

деградация СПС и "Яблока", ни один новый партийный проект не получил сколь-нибудь заметной общественной поддержки. При этом "Единая Россия", формально господствующая в парламенте, как партия не состоялась - и вряд ли состоится: номенклатуре она нужна не в качестве самостоятельной силы, а как удобный инструмент легитимации аппаратных решений.

Сегодня и завтра

Наше главное достижение в том, что люди, которым есть что терять (далеко не в одном лишь материальном смысле и даже главным образом во нематериальном), впервые с 1917 года вновь составляют большинство населения России.
Александр Горянин

Таким образом, единственным реальным субъектом политической жизни осталась номенклатура, не скованная никакими идеологическими или партийными путами. Более того, мы наблюдаем консолидацию в руках номенклатуры всех ресурсов, существенных для политики, - административных, информационных, финансовых. Как далеко может зайти этот процесс? Думаю, мы можем заведомо исключить крайние варианты - полномасштабное восстановление автократии (не хватит ресурса) и реальное становление в ближайшие годы демократии. Скорее, как говорил лорд Бивербрук, "все будет нормально, все устроится более-менее плохо".

Не приходится рассчитывать (или опасаться), что в ближайшее время в процесс активно вмешаются массы, - их социальная энергия израсходована во время новой русской революции, а "зарядка аккумуляторов" после таких потрясений требует десятилетий. Варианты нашего политического развития зависят от действий элиты, но какая именно элита в состоянии что-либо сделать?

Банкротство партийно-политической системы выражает политическое банкротство двух главных движущих сил революции - олигархов и демократуры. Первые окончательно выведены из строя делом Ходорковского, вторая парализована двумя проваленными избирательными кампаниями. Это само по себе было бы позитивным фактором - если бы на политической сцене их кто-то заменил, лишив номенклатуру монополии.

Претенденты на эти роли, кстати, уже есть. Ведь социальное развитие в годы революции действительно пошло вскачь, опережая представления элиты о состоянии общества. И незаметно выросли новые силы, не подчиненные ни олигархам, ни демократуре, ни номенклатуре.

В 90-е годы бизнесом в России занимались далеко не только олигархи. Сформировалась многочисленная группа людей, обладающих экономической самостоятельностью и ориентированных не на распродажу сырья, а на развитие собственного производства - национальная буржуазия. Пока теоретики спорили о том, что есть средний класс вообще и в России в частности, таковой на самом деле возник: мелкие лавочники, "менеджеры среднего звена", городские профессионалы, сельские частники - их уже миллионы и по своей ментальности они мало чем отличаются от среднеевропейского среднего класса.

Параллельно происходил и процесс формирования в стране институтов, нацеленных на отстаивание интересов граждан в самых разных сферах. "Третий сектор" в России незаметно стал существенным фактором развития, недаром бюрократия попыталась взять его под контроль (пресловутый "Гражданский форум"), и не случайно эта попытка провалилась. Становление гражданских институтов происходило под сильным воздействием и при участии интеллигенции и олигархии, но, к счастью, ни та ни другая не считали развитие "третьего сектора" слишком важным делом, а потому влияли меньше, чем могли бы.

Однако насколько новые силы готовы к выходу на авансцену?

Национальная буржуазия не слишком устойчива в своем экономическом положении, а потому зависима от государства, отождествляемого с бюрократией. Она чуждается публичной политики, как дела иррационального, непонятного, неэффективного. Ее политическая культура находится на исключительно низком уровне. Еще меньше готов заявить о своих социальных интересах новый средний класс.

"Третий сектор" экономически зависим от крупного капитала и западных грантов. Гражданские сети созданы по ситуативным причинам и не очень успешно взаимодействуют между собой. А самое главное - гражданские активисты находятся вне политического поля как физически, так и ментально. В большинстве своем они вообще не считают партийную деятельность гражданской. Для "третьего сектора" партии - по определению часть государственного истеблишмента, к каковому они себя не относят ни при каких условиях.

Эти препятствия кажутся непреодолимыми, но само развитие ситуации ставит и бизнес, и общество в положение, когда избежать политических действий невозможно. Речь идет о неизбежных в "вертикальной" системе ошибках власти, о ее внутренних противоречиях, об интенсивных идейных поисках, предпринимаемых самыми чуткими к социальной реальности представителями бизнеса и политического класса.

Катализатором политической перегруппировки на сегодня могут быть только внутринаменклатурные противоречия (в частности, внутри "Единой России" - слишком большой и разношерстной, чтобы всегда оставаться послушной машиной для голосования), которые могут обнажиться в ближайшее время, а могут и оставаться под спудом еще довольно долго.

Но рано или поздно они прорвутся, и это потребует радикальной политической перегруппировки. А по-настоящему осуществить такую перегруппировку сумеют только общественные силы. Пока у них мало что получалось: ни "проблему-2000", ни "проблему-2003" они решить не смогли. Посмотрим, что будет дальше.

Автор: Артур Скальский © Русский журнал ОБЩЕСТВО , РОССИЯ 👁 2733 05.03.2005, 17:06 👤 241
URL: <https://babr24.com/?ADE=20201> Bytes: 110201 / 109078 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)